

Дефицит роста

Руководитель Экономической экспертной группы, член Экономического совета при Президенте РФ Евсей Томович ГУРВИЧ убежден, что без новых стимулов для развития Россия обречена на замедление экономического роста.

— Евсей Томович, как вы оцениваете экономические итоги 2012 года?

— О 2012 году в целом говорить трудно, потому что результаты были очень разными в первом и втором полугодиях. В первом полугодии российская экономика неплохо развивалась, ВВП рос, увеличивались и инвестиции. Во втором полугодии темпы роста большинства показателей снизились почти до нуля — это касается и потребительского спроса, и инвестиций, и ВВП в целом. Фактически второе полугодие подтвердило то, о чем экономисты постоянно говорили после кризиса: в нашей экономике нет внутренних источников развития, необходимо искать новую модель роста. Та модель, которая работала перед кризисом, была основана на росте цен на нефть и увеличении притока капитала. Очевидно, прежних масштабов здесь не будет. Поэтому нам нужно создавать новые механизмы роста и стимулы для развития.

— Официальные прогнозы экономического роста на предстоящие годы выглядят довольно умеренными. Но даже их некоторые эксперты ставят под сомнение. Каков ваш прогноз?

— В ближайшие два-три года рост экономики составит порядка 3,5 процента в год. Что будет дальше, зависит от того, сможем ли мы изменить условия для бизнеса и действительно подняться, как это предлагает президент, на 20-е место в мире в рейтинге ведения бизнеса, сможем ли развить нашу финансовую систему так, чтобы она смогла генерировать длинные деньги и эффективно распределять сбережения. Если не получится, то рост будет только замедляться.

— Тот небольшой рост, который все-таки есть, дает надежду на ускорение в будущем? Ведь его нельзя считать чисто конъюнктурным, так как роста цен на нефть не наблюдалось.

— Все же осуществляются инвестиции в новое оборудование, совершенствуется организация производства, растет производительность, эффективность экономики. Но только, как сказано в майских указах президента, нам нужно гораздо больше инвестиций, чем сейчас. Их объем должен быть доведен до 25–27 процентов ВВП — только в этом случае мы можем рассчитывать на ускорение роста. В противном случае рост так и останется в пределах 3–3,5 процента.

— С чем связан столь значительный отток капитала из России в 2012 году — порядка 60 миллиардов долларов только с января по ноябрь?

— Отчасти он связан с глобальными мировыми тенденциями. В ожидании кризиса в еврозоне капитал уходил в наиболее надежные активы, то есть в облигации ведущих стран прежде всего США.

Это общая тенденция. Вторая причина наша внутренняя, она состоит в том, что, с одной стороны, по-прежнему высоким остается уровень сбережений, но, с другой — сравнительно низок инвестиционный спрос. Разрыв между ними и образует отток капитала. Сформированные сбережения не находят применения в нашей стране в силу того, что остаются высокими риски, недостаточна защита собственности и по сравнению с тем, что было до кризиса, теперь совершенно другие перспективы роста. Если до кризиса рост составлял в среднем порядка семи процентов в год, то теперь ожидания примерно в два раза ниже. Это означает, что рост спроса будет слабее и возможностей для новых инвестиционных проектов гораздо меньше.

— В марте в статье в журнале «Бюджет» вы отметили, что в мировой экономике нарастают риски финансовой дестабилизации, причем основным источником рисков для России является еврозона. Как вы смотрите на эту ситуацию сегодня?

— Весь 2012 год для мировой экономики прошел в ожидании того, как будут разворачиваться события в еврозоне. И, следует признать, год завершился на положительной ноте. Сейчас происходит частичная реструктуризация греческого долга. В то же время Греция согласилась с условиями кредиторов — МВФ, Еврокомиссии и Европейского центрального банка, касающимися консолидации ее бюджета и мер экономии госрасходов. Ситуация радикально изменилась, и теперь уже практически никто не ожидает не только распада еврозоны, но и выхода Греции из нее и неорганизованного дефолта по греческим долгам.

Реструктуризация долга пошла по наиболее безопасному пути. В итоге в декабре кредитный рейтинг Греции был поднят сразу на шесть пунктов. Можно сказать, что в 2012 году ситуация с греческим кризисом практически была разрешена, и в 2013 год мы входим с совсем другими стартовыми условиями. Благодаря этому — я возвращаюсь к предыдущему вопросу — можно рассчитывать, что в 2013 году сократится отток капитала из России. В частности, потому что корпорации смогут привлечь больше иностранного капитала: нерезиденты будут покупать больше российских корпоративных облигаций. Также мы делаем шаг навстречу иностранным инвесторам по линии облигаций федерального займа. Возможно, иностранный капитал удастся привлечь и при реализации программы приватизации. Так что отток капитала в 2013 году, как мы ожидаем, сократится минимум в два раза.

— Как вы оцениваете меры по обеспечению устойчивости бюджетной системы, которые удалось реализовать в минувшем году? Я, конечно же, имею в виду бюджетные правила.

— К слову, «Ренессанс Капитал» считает бюджетные правила основным достижением всего правительства в 2012 году, а не только Минфина России. Это очень важный шаг к восстановлению бюджетной дисциплины. На мой взгляд, принятый вариант правил — лучший из возможных на сегодня. Бюджетные правила гибкие, адаптивные, позволяют отслеживать любые фактические изменения цен на нефть и приспосабливаться к ним. Они действительно существенно повысят устойчивость бюджетной системы, но этим значение правил не ограничивается. Фактически они помогут защитить всю экономику от внешних шоков, поскольку делают и бюджетные расходы, и государственные заимствования, и инфляцию, и обменный курс менее зависимыми от внешней конъюнктуры. Тем самым вся экономика становится более устойчивой.

Отмечу еще одно важное событие: в 2012 году начата разработка долгосрочной бюджетной стратегии до 2030 года. Вместе с предстоящим переходом на «программный» принцип формирования бюджета это означает переход к стратегическому бюджетному планированию при увязке бюджетной политики с долгосрочными приоритетами страны, увязке ресурсов со стратегическими задачами.

— Существуют ли реальные угрозы все еще благоприятной для России внешнеэкономической конъюнктуры, если говорить про ближайшие несколько лет?

— В самые последние месяцы краткосрочные прогнозы цен на нефть изменились в сторону повышения. Большинство международных организаций и крупнейших инвестиционных компаний ожидают, что цены на нефть в следующие два года останутся примерно на нынешнем уровне или даже немного вырастут. Но это не означает, что так будет всегда. Риск падения цен на нефть всегда нужно держать в голове. Практика показывает, что оно может произойти в момент, когда этого никто не ожидает, как, например, в 2008 году.

— С чем связан этот потенциальный риск — с замедлением мировой экономики или с новыми технологиями добычи нефти?

— Эти факторы дополняют друг друга. Резкое падение цен на нефть вероятно лишь в случае новой волны кризиса, например оно бы случилось в случае кризиса еврозоны. Но вполне вероятно стабилизация цен на более низком (по сравнению с сегодняшним) уровне 85–90 долларов за баррель. Это может произойти в результате развития новых источников добычи, прежде всего сланцевой нефти, и одновременно торможения роста китайской экономики, которая обеспечивает примерно половину дополнительного прироста спроса на нефть в мире.

— Насколько серьезные риски для устойчивости региональных бюджетов создают известные решения о повышении зарплат бюджетников?

— Мы провели свою оценку, учтя как возможности самих регионов, так и возможности их федеральной поддержки. Наш вывод заключается в том, что большинство регионов смогут справиться с данной задачей, хотя это предполагает проведение достаточно жесткой бюджетной политики. Однако она будет не более жесткой, чем на федеральном уровне. Известно, что в ближайшие два года расходы федерального бюджета вырастут в среднем только на уровень инфляции. Если такому же принципу будут следовать и регионы, то проблемы возникнут только у некоторых, наиболее слабых из них. В этих случаях, безусловно, придется разбираться отдельно.

Замечу, что у решений по повышению оплаты труда в бюджетном секторе есть еще один аспект. Врачи и учителя объективно получают низкую заработную плату. Однако конечная цель должна быть не просто в том, чтобы улучшить их материальное положение, но и в том, чтобы изменить ситуацию в сфере образования и здравоохранения в целом, сделать эти профессии привлекательными для способных энергичных молодых людей, в частности для лучших выпускников вузов, и в конечном счете повысить качество обучения и лечения. Это не решается одним только повышением зарплат. Необходимо полноценное реформирование указанных сфер, в том числе создание новых механизмов финансирования, стимулов для более эффективной работы как на уровне отраслей, так и на уровне каждой школы, больницы. В этом случае дополнительные деньги, которые туда будут направлены, окупятся.

— Есть ли у субъектов РФ резервы для ужесточения их бюджетной политики? Не пострадают ли их инвестиционные расходы, как это было во время кризиса?

— Часто, когда необходимо быстро сократить расходы, первой жертвой становятся именно инвестиционные расходы. Конечно, это самый легкий, но наименее желательный вариант: инвестиционные расходы очень важны для развития экономики. Думаю, что практически по всем направлениям у регионов есть резервы экономии.

Общепризнано — об этом недавно говорил и премьер-министр **Д. А. Медведев**, что у нас можно очень много сэкономить на госзакупках. Также у нас избыточная занятость в государственном секторе. Число занятых в госуправлении и в других бюджетных секторах на душу населения существенно больше, не только по сравнению со странами нашей категории (то есть странами с формирующимися рынками), но даже по сравнению с наиболее развитыми государствами. У нас достаточно большое количество субсидий, которые нередко поддерживают на плаву нежизнеспособные предприятия. Отмена этих субсидий может быть болезненной в течение какого-то времени, но с точки зрения развития она только полезна. Это даст стимул самим предприятиям повышать свою производительность либо позволит прийти на их место новым, более эффективным компаниям.

— Далеко не последний вопрос для устойчивости бюджетной системы — пенсионная реформа. В какой мере обсуждаемые (и частично уже принятые) изменения помогут снизить риски пенсионной системы?

— До тех пор пока не принята новая пенсионная формула, нет возможности окончательно оценивать эту реформу. В целом понятно, что основное ее содержание можно свести к трем позициям: сокращению накопительной системы, решению проблемы досрочных пенсий за счет увеличения взносов работодателей с неблагоприятными

условиями труда и включению в пенсионную формулу стимулов для добровольного, более позднего выхода на пенсию.

Что касается досрочных пенсий, то эту меру можно оценить положительно, она правильная и необходимая. А вот сокращение накопительной пенсии мне кажется не вполне оправданным. Действительно, большую часть из тех десяти лет, что существует накопительная пенсия, она приносила доходность ниже инфляции. В таких условиях смысла в ней нет. Но эти показатели не проблема накопительной пенсии как таковой, а результат того, как управлялись соответствующие средства. Мне кажется, что правильнее было бы изменить правила управления накопительными средствами и обеспечить их более высокую доходность (что удалось всем другим странам, имеющим накопительные пенсии).

Если говорить о стимулировании добровольного выхода на пенсию, то опять-таки в отсутствие окончательного варианта формулы об этом рассуждать трудно. Однако боюсь, что в наших условиях это не будет очень действенно и мало кто из работников воспользуется данной возможностью. Среди наших граждан распространен принцип «синицы в руке»: они хотят получить пусть меньше, но зато сейчас, опасаясь в будущем не получить вообще ничего. Ну и, конечно же, в целом все эти меры оставляют нерешенной главную задачу, над которой работают все страны мира: как сделать устойчивым бюджет пенсионной системы в условиях старения населения. Поэтому, вероятно, через некоторое не очень продолжительное время нам придется заниматься очередной пенсионной реформой.

Подготовил М. А. ЦУЦИЕВ